

3. *Kotsik K.E.* Ponyatie topikovoj tsepi v rabotakh kitajskogo lingvista Shi Dinsyuya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 4 (70). S. 122–124.
4. *Kotsik K.E.* Topik kitajskogo tipa v rabotakh Shi Dinsyuya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 7 (73): v 2 ch. Ch. 1. S. 102–107.
5. *Kurdyumov V.A.* Predikatsiya i priroda kommunikatsii: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1999. 263 s.
6. *Kurdyumov V.A., Kotsik K.E.* K voprosu o differentsiatsii ponyatij “topik – kommentarij” i “tema – rema” // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya “Chelovek v sovremennom mire”. 2020. Vyp. 1. S. 86–93.
7. *Kurdyumov V.A., Skvortsov A.V.* Sredstva topikalizatsii v klassicheskom kitajskom yazyke ven’yan’: uchebnoe posobie dlya studentov fakul’teta inostrannykh yazykov pedagogicheskikh vuzov. M.: MGPU, 2016. 48 s.
8. *Skvortsov A.V.* Kurs drevnekitajskogo yazyka: uchebnik: v 2 ch. Ch. 1. M.: Izdatel’stvo VKN, 2017. 536 s.
9. *Carnie A.* Syntax: A Generative Introduction. 3rd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. 526 p.
10. *Chen’ Syaofen’.* Lun’ yuj. Pekin: Izdatel’stvo Chzhunkhua, 2016. 276 s.
11. *Fan Yun.* Men-tszy. Pekin: Chzhunkhua shutzuyuj, 2015. 305 s.
12. *Yan Tszyan’ tshao.* Lektsii po grammatike drevnekitajskogo yazyka. Shankhaj: Fudan University Press, 2010. 355 s.
13. *Yan Menmen.* Sintaksis struktury “主之谓” // Kitajskij yazyk. 2019. № 3 (390). S. 278–382.
14. *Chzhan Shilu.* Kurs drevnekitajskogo yazyka. Izd. 3-e. Shankhaj: Fudan University Press, 2005. 194 s.

DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.02.P.114

УДК 81’42

О.Ю. Стародубова

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА
КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
И КОНСТРУИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Посвящено рассмотрению языковых способов моделирования категории субъекта как носителя концептуальной информации в художественном тексте на материале поэзии О. Мандельштама. Выявляются закономерности процессов интерпретации и концептуализации действительности на фоне субъектной организации художественного текста, связанных со спецификой историко-культурного контекста, а также особенностями этнокультурного кода, картины мира эпохи. Отмечено, что одним из основных лингвистических механизмов конструирования субъектной организации сквозь призму *своего* и *чужого* становится *концептуальная метафора*, которая одновременно является средством интерпретации действительности и фрагментом *глобальной когеренции* авторского конструкта. Подчеркивается, что, создавая вторичную модель действительности, автор концептуализирует мир в виде одушевленных носителей, каждый из которых содержит фрагмент архитектуры смысла. Делается вывод, что текст как лингвокогнитивная модель становится источником познания мира, своеобразной эпистемой.

Ключевые слова: художественный текст, субъектная организация текста, лингвокогнитивное моделирование, картина мира, концептуализация действительности, концептуальная метафора.

O.Yu. Starodubova

LANGUAGE MECHANISMS OF MODELING A SUBJECT
AS A METHOD OF INTERPRETING A VALIDITY AND DESIGNING
A PICTURE OF THE WORLD IN ARTISTIC TEXT

It is devoted to the consideration of language methods for modeling the category of the subject as a carrier of conceptual information in a literary text based on the material of O. Mandelstam's poetry. The regularities of the processes of interpretation and conceptualization of reality are revealed against the background of the subjective organization of the literary text associated with the specifics of the historical and cultural context, as well as the features of the ethnocultural code, the picture of the world of the era. It is noted that one of the main linguistic mechanisms for constructing a subjective organization through the prism of their own and others is a conceptual metaphor, which is both a means of interpreting reality and a fragment of the global coherence of the author's construct. It is emphasized that, creating a secondary model of reality, the author conceptualizes the world in the form of animated media, each of which contains a fragment of the architecture of meaning. It is concluded that the text as a linguocognitive model becomes a source of cognition of the world, a kind of episteme.

Keywords: literary text, subjective organization of the text, linguistic-cognitive modeling, picture of the world, conceptualization of reality, conceptual metaphor.

Введение

Художественный текст на современном этапе является объектом междисциплинарных исследований – рассматривается на стыке когнитивной лингвистики, этнопсихолингвистики, лингвостилистики, лингвопрагматики, риторики, теории текста и дискурса, герменевтики и литературоведения. Особенно актуальным в рамках антропоцентрической парадигмы и глобализации становится аспект *моделирования картины мира* с точки зрения лингвистических механизмов вербализации когнитивной деятельности творческого субъекта.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней предлагается *методика* интерпретации текста с точки зрения *субъектной организации*: устанавливаются лингвистические механизмы моделирования базовых концептов сквозь призму участников коммуникативного процесса текстовой организации и за-текстовой действительности. При этом субъекты *эксплицитные* и *имплицитные* представляют собой *инварианты* автор-

ской ценностной системы, закрепленной в тексте, который, являясь фрагментом художественного дискурса, становится одновременно *порождением* действительности и *средством ее интерпретации*, а также *инструментом воздействия* на сознание общества.

Результаты исследования могут быть применены в практике интерпретации художественного текста, а также в преподавании теории текста и дискурса, этнопсихолингвистики и т.д. Кроме того, выводы вносят определенный вклад в разработку проблемы речевого субъекта.

Художественный текст как интерпретация действительности и способ моделирования картины мира

Основным положением когнитивной лингвистики является утверждение о том, что при помощи языка мы не описываем окружающий мир, а моделируем его. Одним из ярких примеров такой модели является поэзия как фрагмент художественного дискурса. С точки зрения лингво-

когнитивного моделирования и этнопсихолингвистики текст рассматривается как отражение «национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности, которые могут быть выделены в любом из социальных видов среды как лингвокультурной общности» [12, с. 24]. Когнитивная лингвокультурология позволяет рассматривать механизмы смыслопорождения, эксплицированные в тексте, с точки зрения национально-культурной детерминированности языкового сознания [5]. Художественный текст представляет собой лингвокультурный маркер языковой личности его автора, национальной ментальности в целом и эпохи.

Исходя из диалогической природы текста (концепция М.М. Бахтина) [1], в процессе концептуализации задействовано две стороны: автор и читатель. В.З. Демьянков отмечает, что «текст не обладает смыслом сам по себе: значения привносятся в тексты говорящими и слушающими... интерпретация скорее состоит в создании значения» [4, с. 54]. Интерпретация текста читателем определяется *пресуппозицией* и опирается на его концептуальную систему.

Понимание представляет собой процесс, построенный на взаимодействии концептуальных систем автора и читателя. В психолингвистике признается прямая зависимость семантической адекватности восприятия текста от степени общности концептуальных систем продуцента и реципиента [11, с. 145]. Личностные особенности и идентичности читателя в процессе декодирования смысла и конструирования текстовой модели позволяют ему строить собственную проекцию (*вторичная лингвокогнитивная модель*), определять вектор понимания и систему координат и доминант текста относительно момента. Таким образом, «исходная когнитивная база реципиентов, хранящая культурно-де-

терминированное знание, опыт, ценностные установки и стереотипы, оказывает влияние на формирование ментальной репрезентации содержания...» [2, с. 61]. Читатель, воспринимая авторскую текстовую модель действительности, пропускает ее сквозь призму когнитивной модели в пределах парадигмы своей эпохи. В ходе диалога происходит *интерференция* моделей и, как следствие, создание нового варианта, подводящего «итоги особого периода в концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира» [6, с. 23]. При этом «реальная действительность презентуется в ментальной деятельности индивида как система концептов», а «функциональную деятельность по становлению и интерпретации смысла» эксплицирует слово [13, с. 118].

Категория субъекта в аспекте лингвокогнитивного моделирования

Читатель как воспринимающий субъект в процессе интериоризации текста проводит оценочную вторичную концептуализацию, для того чтобы вмонтировать получаемый текст в иную систему координат. Исходя из представления о сознании индивида как о поле интерпретации личностных смыслов художественного текста, В.А. Пищальникова подчеркивает, что в этом случае «личностный смысл объединяет различные представления о какой-либо реальности – от визуальных до вербальных», а «каждый признак реальности, отраженной в личностном смысле, может стать знаком ее и вызывать ассоциации, связанные с данной реальностью» [12, с. 44]. Реальности (в том числе относящиеся к *субъектной организации текста*), вербализованные в художественном дискурсе, идентифицируются с определенным историческим периодом и в сознании носителей языка ассоциируются с фрагментами отдельной лингвокультуры.

Одной из центральных текстовых категорий является *субъект* в двух ключевых аспектах – *внутритекстовый* (*эксплицитный* и *имплицитный*), включающий инварианты авторского *я*, и *затекстовый* – воспринимающий, интерпретирующий с учетом социокультурной и других идентичностей. В связи с этим текст существует только в процессе его восприятия при реконструкции читателем прямо не выраженной части его содержания (пресуппозиция), которая предполагается известной читателю и привносится им в процессе создания художественного дискурса в новую модель современной ему действительности [7].

В процессе лингвокогнитивного моделирования субъекты наполняются концептуальным содержанием, обладают свойством полиапеллируемости, т.е. реализуются при помощи целого ряда ресурсов языка. Именами концептов, по мнению С.Г. Воркачева, является ограниченное число культурно значимых единиц: абстрактные сущности [3], феномены, обозначаемые безэквивалентными лексемами [10].

Существует множество методик понимания, интерпретации текста. Установление языковых ресурсов, представляющих субъекта как носителя базовых этнокультурных концептов, на основе когнитивной интерпретации позволит смоделировать содержание концепта как «глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии и определить место концепта в национальной концептосфере» [15, с. 78]. В каждом субъекте заложен инвариантный смысл авторской аксиологии, а также эпистема эпохи.

Анализ способов лингвокогнитивного моделирования субъекта

В качестве иллюстративного материала обратимся к стихотворению О. Мандель-

штама «Импрессионизм» с целью выявления особенностей лингвокогнитивных механизмов моделирования текстовой реальности на фоне ее субъектной организации, а также обратим внимание на то, какие метаморфозы претерпевает авторский конструкт в связи с изменением историко-культурных обстоятельств.

Любое произведение принципиально *полисубъектно*, поскольку в мир, смоделированный автором, включается читатель, само повествование принадлежит лирическому герою, рассказчику и так далее, сквозь призму сознания которого воспринимается происходящее, а условный монолог при ближайшем рассмотрении трансформируется в диалог (полилог) или дискуссию с оппозиционным собеседником.

Эпоха Серебряного века, в силу исторических обстоятельств – кардинальной ломки сознания, отрицания всех прежних стереотипов, деформации этнокультурных и вненациональных базовых ценностей, а также возникающих в связи с этим мотивов одиночества и поисков, – порождает особенности поэтического текста, для которого принципиальной становится ситуация *двоемирия*, идет процесс поисков новой парадигмы, нового героя, ценностных ориентиров, т.е. художественного моделирования действительности сквозь призму уточнения составляющих оппозиции *своего* и *чужого*. В связи с этим следует отметить концепцию множественности смыслов (*солипсизм*) и *импрессионистичности* их истолкования, которой придерживаются представители интерпретационизма в языкознании, возникшего на почве философии позитивизма. Однако необходимо помнить, что спектр смыслов, множественность интерпретаций ограничиваются пресуппозицией и объективными языковыми данными, при помощи которых автор концептуализирует действительность, моделирует пространство текста.

Импрессионистический мир О. Манделштама в стихотворении 1932 г. «Импрессионизм» *полисубъектен* и содержит отсылку к произведению живописи (*интертекстуальность* как атрибут современного текста) – полотну Клода Моне «Сирень на солнце», под впечатлением которого и был написан текст, повествующий о глубоком обмороке сирени. Таким образом, произведение О. Манделштама представляет собой *поликодовый* текст – интерференцию, синтез двух видов искусства: живописи и поэзии, точнее, эксплицированный вариант – вербализованную картину.

Субъектная организация в тексте представлена оппозицией *свое – чужое*, которая получает следующее наполнение: противопоставление *Художника (творца)* и *всех остальных – представителей власти* (тоталитарность, враждебная свободе, творчеству, человеку), *быта (мещанство)*. При этом наиболее значимые субъекты, являющиеся носителями базовых ценностей (*свое*), вневременных концептов (*человек, искусство, природа*), выражены *прямой номинацией*, а представители чуждого, временного, мещанского, политического мира – преимущественно *атрибутивным* или *формой обезличенного множественного*. Например, *свисток иль хлыст* – атрибуты тоталитарного дискурса, власти. Или «повара на кухне готовят жирных голубей» – субъекты во множественном числе как символ мещанства (утрата индивидуальности, ценности субъекта, а значит, личностной идентичности) [9, т. 1, с. 174]. В основе лингвистических механизмов конструирования субъекта как инварианта (носителя определенной идеи, смысла) – концептуальная метафора – *онтологический* тип: концепт *власть*, закрепленный в обобщенных носителях, лишенных личностной идентичности, а точнее, в их атрибутах (*свисток, хлыст*), с другой стороны – «по-

вара на кухне готовят жирных голубей» можно интерпретировать как структурную *бытовую* метафору политической кухни – отрицательная коннотация указанных субъектов задает вектор авторской интерпретации, оценки политического (властного) и мещанского.

Заметим, что последние составляют эксплицитно более многочисленную часть оппозиции. Так О. Манделштам фиксирует реально существующую опасность утраты генома Гомера (концепт *человек*) в современном ему мире через множественность негатива: *статусное именование субъекта или атрибутивное, при котором герой выполняет роль детали (объекта) глобального социально-политического интерьера*.

В стихотворении представлен и другой тип номинации субъекта: через субституцию имени – местоимение *нам*. «Художник нам изобразил...» – прием *интимизации*, объединяющий субъекта с читателем. Примечательно, что подобная субъектная организация актуализирует в нашем сознании стереотипную ситуацию экскурсии – так происходит знакомство читателя с новым миром, в котором, уже помимо воли Художника, что-то смутное угадывается и «хозяйничает шмель», замыкающий ряд эксплицированных субъектов стихотворения, концептуализирующий базовую ценность – *природу*. Заметим, что это принципиально невозможный в технике импрессионизма объект изображения, а значит, картина оживает.

Следует отметить также, что творчество О. Манделштама проникнуто духом эллинизма (в том числе гуманизма, антропоцентризма), в рассуждениях о котором поэт подчеркивает значимость объектов, окружающих человека и организующих его быт [9, т. 2, с. 75–76]. Именно поэтому тема домашнего быта, хозяйства актуализируется через обращение к указанному субъекту (шмель). К. Тарановский отмечает

«эротические коннотации... обертоны» образов пчел (концепт трудолюбия) и меда в поэзии О. Мандельштама, «так же как и образ солнца, представляющего космическую плодотворящую силу» [16, с. 142].

Не следует забывать, что за всем этим наблюдает другая группа субъектов – закадровая: экскурсовод как компетентный лидер, ведущий зрителей в незыблемый мир природы и искусства, ведь жизнь коротка, а искусство вечно. А потому человек перестает быть одиноким, погружаясь в пространство текста. Так, коммуникативная ситуация становится усложненной... [8].

Глубокий обморок сирени интерпретируется как *катахреза* весны или *онтологическая* метафора – персонифицированная природа (еще один самодостаточный субъект), на фоне чего происходит отождествление концептов *человек* и *природа*. Автор подчеркивает не только их единство, нераздельность, но и одинаковую значимость на фоне контекста первой строфы – синтагматика концептуальной метафоры. Первая часть стихотворения представляет собой реализованную метафору кухни художника в трактовке экскурсовода. Сопровождение действий субъекта глаголами прошедшего совершенного (*изобразил, положил*) в сочетании с сильной, категоричной мужской рифмой подчеркивает неоспоримый и состоявшийся факт наличия концепта *искусство* в отличие от синтагматики концепта *власть* в третьей строфе. Атрибутивные и статусные субъекты власти и мещанства сочетаются с глаголами настоящего несовершенного («свисток иль хлыст, как спичка, тухнет», «повара готовят»), при этом их грамматическая семантика ограничивает время существования – *здесь и сейчас*, подчеркивая временность испытаний, которые необходимо пережить читателю на фоне социальных и культурных катастроф.

Авторская окказиональная метафора «красок звучные ступени» подчеркивает

разнообразие мира, неомогенность концепта *искусство*. Метафорическая модель *природа – лиловый мозг* (вариант онтологической метафоры *природа – человек*) включает указанную базовую ценность в систему значимых констант.

В четвертой строфе возникает еще несколько субъектов: один из них представлен атрибутивно – *недомалеваны вуали* – вариант экспликации концепта *человек* – женское, созидательное, почти блоковское загадочное начало. Атрибутом человека, точнее, ребенка является *качель*, которая в формате импрессионизма Серебряного века прочитывается и как маятник (концепт *время*).

Одним из средств *глобальной когеренции* текста и в целом художественного дискурса является также *композиция*: в стихотворении она представлена антитезой (на фоне субъектной организации). Кроме того, *начало* и *финал* текста как сильные позиции иллюстрируют концепты *человек* (его модификация, инвариант – *творец, художник*) и *природа (шмель)*. Указанные субъекты открывают и закрывают текстовое пространство, встречая и провожая читателя позитивной коннотацией, утверждая тем самым базовые ценности, среди которых на фоне социокультурной катастрофы нет *национальной* идентичности, но есть *антропоцентрическая (человеческая)*.

В этом и заключается глобальное значение истинного *творца, демиурга* – сконструировать ценностный ориентир, способный стать опорой в периоды глобальных катастроф для формирования картины мира реального субъекта (читателя), который сможет на указанной автором основе идентифицировать *свое* и *чужое*, определить систему базовых констант.

Заключение

Понимание культуры и ее стержня связано с текстом, который, являясь фе-

номеном культуры, хранит ментальную информацию (этнокультурный компонент) и одновременно становится катализатором мыслительных процессов [14, с. 203]. Художественный текст О. Мандельштама представляет собой *полифункциональное* коммуникативное событие, моделирующее сквозь призму субъектной организации критическую интерпретацию социально-политического сегмента действительности, на фоне которой происходит *вытеснение* негативных (конфликтных человеческой идентичности) концептов (*власть, тоталитарный режим, социальная иерархия, мецанство* и т.д.) с одновременной заменой их базовыми (константными) этнокультурными концептами (*искусство, природа, человек*). Основным лингвистическим механизмом конструирования категории субъекта на фоне *своего* и *чужого* становится *концептуальная метафора*, которая одновременно является фрагментом *глобальной когеренции* авторского конструкта. При этом *субъектная организация* в художественном тексте представляет собой аспект *глобальной когеренции*. Конструируя модель действительности, автор концептуализирует мир в виде одушевленных носителей, каждый из которых содер-

жит фрагмент архитектуры смысла. Текст как лингвокогнитивная модель становится источником познания мира, своеобразной эпистемой, помогает выстроить логику интерпретации действительности.

Все базовые ценности, концепты эпохи, этноса находят свое отражение в системе *субъектной организации* текста, которая, в свою очередь, становится ключом к пониманию инвариантных смыслов концептуальной оппозиции *свое – чужое*. Количество эксплицированных в тексте субъектов не совпадает с реальным – имплицитным, несомненно, при этом следует учитывать интерпретационный коридор, ведь, по справедливому замечанию М. Цветаевой, читатель – соавтор, а потому приращение смысла, в зависимости от читательского контекста эпохи, это объективный показатель того, что творение автора живет уже независимо от его воли, во внеположенной создателем действительности. В таком случае происходит *интерференция* лингвокогнитивных моделей автора и читателя, которая сопровождается взаимным обогащением, при этом *перлокутивное* воздействие художественного дискурса на сознание читателя становится одной из ведущих функций.

Литература

1. Бахтин М.М. Из черновых тетрадей / публикация В.В. Кожина; подготовка текстов В.И. Словецкого // Литературная учеба, 1992. Кн. 5–6.
2. Винникова Т.А. Особенности исследования кинотекста в различных научных парадигмах // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 58–61.
3. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.
4. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 172 с.
5. Красных В.В. Психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология // (Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 183–261.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 11–24.

7. Кулибина Н.В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя // Мир русского слова. 2001. № 1. С. 57–64.
8. Лангерак Т. Анализ одного стихотворения Мандельштама («Как светотени мученик Рембрандт...») // Русская литература. 1993. № 33. С. 289–298.
9. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2010.
10. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 80–85.
11. Пищальникова В.А. Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвузовской научной конференции / сост. Е.Ф. Тарасов и др. М.: МОСУ, 2002. С. 145–152.
12. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч. 3: Психопоэтика. М.: АСОХ, 2010. 144 с.
13. Пищальникова В.А. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003. С. 117–120.
14. Стародубова О.Ю. Геном Гомера как механизм преодоления барьера в межкультурной коммуникации // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 10 (803). С. 194–205.
15. Стернин И.А. Моделирование концепта в лингвоконцептологии // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов (Тамбов, 26–28 сентября 2006 г.) / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 78–79.
16. Тарановский К. Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов // О поэзии и поэтике / сост. М.А. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 123–164.

Literatura

1. Bakhtin M.M. Iz chernovykh tetradey / publikatsiya V.V. Kozhinova; podgotovka tekstov V.I. Slovetского // Literaturnaya ucheba, 1992. Kn. 5–6.
2. Vinnikova T.A. Osobennosti issledovaniya kinoteksta v razlichnykh nauchnykh paradigmax // Omskij nauchnyj vestnik. 2015. № 2 (136). S. 58–61.
3. Vorkachev S.G. Kontsept kak “zontikovyj termin” // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Vyp. 24. M., 2003. S. 5–12.
4. Dem'yankov V.Z. Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ikh modelirovaniya na EVM. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1989. 172 s.
5. Krasnykh V.V. Psikholingvokul'turologiya i kognitivnaya lingvokul'turologiya // (Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem. M.: Gnozis, 2017. S. 183–261.
6. Kubryakova E.S. V poiskakh sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV: Kontseptualizatsiya mira v yazyke. M.: In-t yazykoznanija RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. S. 11–24.
7. Kulibina N.V. Khudozhestvennyj diskurs kak aktualizatsiya khudozhestvennogo teksta v soznanii chitatelya // Mir russkogo slova. 2001. № 1. S. 57–64.
8. Langerak T. Analiz odnogo stikhotvoreniya Mandel'shtama (“Kak svetoteni muchenik Rembrandt...”) // Russkaya literatura. 1993. № 33. S. 289–298.
9. Mandel'shtam O.E. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 3 t. M.: Progress-Pleyada, 2010.
10. Neroznak V.P. Ot kontsepta k slovu: k probleme filologicheskogo kontseptualizma // Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 80–85.

11. *Pishchal'nikova V.A.* Dialog kul'tur kak programma issledovaniya kognitivnykh protsessov v mezhkul'turnoj kommunikatsii // *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i perevod: materialy mezhvuzovskoj nauchnoj konferentsii* / sost. E.F. Tarasov i dr. M.: MOSU, 2002. S. 145–152.
12. *Pishchal'nikova V.A.* Istoriya i teoriya psikholingvistiki. Ch. 3: Psikhopoetika. M.: ASOKh, 2010. 144 s.
13. *Pishchal'nikova V.A.* Emotsional'naya dominanta teksta: perevodcheskij aspekt // *Emotivnyj kod yazyka i ego realizatsiya*. Volgograd: Peremena, 2003. S. 117–120.
14. *Starodubova O.Yu.* Genom Gomera kak mekhanizm preodoleniya bar'era v mezhkul'turnoj kommunikatsii // *Vestnik MGLU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2018. № 10 (803). S. 194–205.
15. *Sternin I.A.* Modelirovanie kontsepta v lingvokontseptologii // *Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike: sbornik materialov (Tambov, 26–28 sentyabrya 2006 g.)* / otv. red. N.N. Boldyrev. Tambov: Izd-vo TGU im G.R. Derzhavina, 2006. S. 78–79.
16. *Taranovskij K.* Pchely i osy. Mandel'shtam i Vyacheslav Ivanov // *O poezii i poetike* / sost. M.L. Gasparov. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 123–164.

DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.02.P.122

УДК 811.161.1

И.Д. Тодорова

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

На основе междисциплинарного подхода сделана попытка доказать состоятельность русскоязычных художественных текстов для определения жизнеспособности русского языка, которые имеют уникальную способность воссоздавать художественное осмысление окружающей действительности другими народами. Отмечено, что транслингвальная литература не меняет системно-типологических свойств русского языка, а, наоборот, только обогащает его. Делается вывод, что русскоязычная литература остается одной из форм выражения иных культур и свидетельствует о способности русского языка функционировать в качестве языка межнационального общения, языка-макропосредника и мирового.

Ключевые слова: русскоязычный художественный текст, транслингвальная литература, жизнеспособность языка, русский язык, би-/транслингвальные авторы.

I.D. Todorova

RUSSIAN-LANGUAGE ARTISTIC TEXT AS A SOURCE OF RUSSIAN LANGUAGE VITALITY

Based on an interdisciplinary approach, an attempt is made to prove the viability of Russian-language literary texts to determine the viability of the Russian language, which have a unique ability to recreate the artistic understanding of reality around other nations. It is noted that translating literature does not change the system-typological properties of the Russian language, but, on the contrary, only enriches it. It is concluded that Russian-language literature remains one of the forms of expression of other cultures and testifies to the ability of the Russian language to function as a language of interethnic communication, a macro-intermediary language and a world language.

Keywords: Russian-language artistic text, translanguing literature, language viability, Russian language, bi-/translanguing authors.